

ПАМФЛЕТЪ
Г. П. ЕРМОЛОВА

НА ГРАФА

М. М. СПЕРАНСКАГО.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

Е. И. Соколова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульварь.
1895.

Печатаемый памфлетъ на графа М. М. Сперанскаго, послѣ его паденія, принадлежитъ перу Гавріила Петровича Ермолова, малопзвѣстнаго публициста, авторское имя котораго встрѣчаемъ на страницахъ „Русскаго Вѣстника“ въ 1813—14 годахъ и находившагося въ сродствѣ съ знаменитымъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ, но въ какомъ именно, пока неизвѣстно. Въ одномъ изъ писемъ Гавріила Петровича Ермолова, копіи которыхъ вмѣстѣ съ его бумагами сохраняются въ библиотекѣ Императорскаго Общества исторіи и древностей россійскихъ, находится копія съ письма, отъ 28 апрѣля 1814 г., съ надписью: „Къ брату Ермолову въ Орель“. Этотъ братъ Гавріила Петровича Ермолова, Петръ Алексѣевичъ Ермоловъ, оказывается былъ отцемъ извѣстнаго Алексѣя Петровича.¹⁾

Въ названномъ письмѣ²⁾ Гавріиль Петровичъ поздравляетъ Петра Алексѣевича со взятіемъ Парижа и въ началѣ письма высказываетъ объ отношеніяхъ къ своему брату. „Хотя на нѣсколько къ вамъ отправленныхъ мною писемъ въ разныя времена, пишетъ Гавріиль Петровичъ, я лишень былъ пріятнѣйшаго удовольствія получать отвѣты, но не могу и не хочу относить чтобъ забвеніе ваше обо мнѣ было бы тому причина. Сердце мое преданное и благодарное къ милостямъ вашимъ, которыя я на себѣ носилъ, всегда остается чувствовать въ полной силѣ къ вамъ свои обязанности. Въ несказанномъ восхищеніи, восторгѣ и радости, сиѣшу васъ, милостивый государь, какъ приснаго мнѣ брата и благодѣтеля поздравить съ занятіемъ столицы французской“.

---

¹⁾ Отецъ его Петръ Алексѣевичъ, небогатый Орловскій дворянинъ, служилъ на гражданской службѣ, и былъ впоследствии председателемъ гражданской палаты, и наконецъ управлялъ канцелярією генералъ-прокурора гр. Самойлова въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины. „Алексѣй Петровичъ Ермоловъ“—Матеріалы для его біографіи. М. Погодина. Москва 1863., стр. 10.

²⁾ Въ приводимыхъ изъ рукописей письмахъ, статьяхъ и выдержкахъ изъ нихъ соблюдается правописание современное, знаки препинанія разставляются нами сообразно смыслу рѣчи, конструкція удерживается таже, какаѧ и въ текстѣ рукописей.

Въ концѣ письма любопытень отзывъ о сынѣ Петра Алексѣевича, Алексѣѣ Петровичѣ: „Не могу не соучаствовать въ сладостнѣйшемъ вашемъ удовольствіи, почтеннѣйшій братъ, слыша отъ многихъ, какое отличное уваженіе приобрѣлъ себѣ въ арміи Алексѣй Петровичъ — любезнѣйшій сынъ вашъ не только мужествомъ и благоразуміемъ въ военномъ дѣлѣ, которое его отличаетъ, но даже доброе сердце, заставляющее его боготворить. У меня весьма много съ 812 года было прежнихъ изъ арміи чиновниковъ, всѣ единогласно говорятъ о немъ, что онъ единственъ“. (Рук. переп. 2-й, стр. 40—42).

Копія съ писемъ и бумагъ Г. П. Ермолова были переданы въ бібліотеку общества въ 70-хъ годахъ сыномъ покойнаго Ермолова, Александромъ Гавриловичемъ, при посредствѣ Дѣйствительнаго Члена Общества, достоуважаемаго отца архимандрита Григорія, въ бытность его настоятелемъ Московскаго Высокопестровскаго монастыря.

По словамъ Александра Гавриловича, покойный его отецъ служилъ нѣкогда при графѣ Платонѣ Александровичѣ (Зубовѣ³⁾), писалъ письма и разныя небольшія статейки, находясь въ своемъ помѣстьѣ, въ селѣ Черновскомъ, Сергачскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, скончался въ 1829 году.

Такія краткія свѣдѣнія о жизни Ермолова, сообщенныя его сыномъ досточтимому отцу архимандриту Григорію, можно восполнить только отчасти тѣми немногими біографическими чертами и относящимися сюда свѣдѣніями, касающимися семейныхъ обстоятельствъ Ермолова, какія находимъ въ его письмахъ и статейкахъ.

Прежде чѣмъ укажемъ эти біографическія, или точнѣе автобіографическія черты и разныя свѣдѣнія о семьѣ Ермолова, разбросанныя въ его письмахъ и статьяхъ, скажемъ нѣсколько словъ 1) о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ копіи съ писемъ и статей Ермолова и 2) объ общемъ ихъ содержаніи.

Рукописи заключаются въ двухъ переплетахъ, въ листъ, довольно разборчиваго письма первой четверти XIX в., но къ сожалѣнію, очень безграмотнаго,⁴⁾ въ первомъ переплетѣ 59 листовъ, во второмъ 100 страницъ.

³⁾ Зубовъ, князь П. А. генер. отъ инфант. (19 окт. 1793 г.) 1802 г. членъ госуд. сов. шефъ 1 кад. корпуса, р. 15 ноября 1767. † 7 апр. 1822 г. Азбучный указатель именъ русск. дѣятелей для русск. біограф. словаря. Сборникъ Импер. Русск. Историч. Общ. т. 60 (1887).

⁴⁾ Копія съ писемъ и бумагъ Г. П. Ермолова, неизвѣстно кѣмъ снятыя, помимо безграмотности, сильно страдаютъ разстановкою знаковъ препинанія.

Письма и статьи касаются русских событий 1812—1815 годовъ и въ частности русскаго быта и тѣхъ автобіографическихъ чертъ и свѣдѣній о семействѣ Ермолова, о которыхъ было сказано выше. Произведенія Ермолова отличаются высокопатріотическимъ характеромъ и проникнуты искреннею любовію и глубокою преданностію къ Государю.

Изъ писемъ и бумагъ Г. П. Ермолова, имѣющихся въ копіяхъ въ нашихъ рукописяхъ, напечатаны только четыре письма и одна статья.⁵⁾

Съ просьбою напечатать нѣкоторыя свои статьи и письма, Г. П. Ермоловъ обращается къ Сергѣю Николаевичу Глинкѣ, издателю „Русскаго Вѣстника“.

Первое сношеніе Ермолова съ Глинкою завязывается въ 1813 году, по случаю препровожденія Ермоловымъ своей статьи: „Гласъ Россіянина къ единоземцамъ“, написанной 22 марта 1813 года. Отъ 8 іюля того-же года, Ермоловъ обращается къ Глинкѣ съ слѣдующимъ письмомъ: (л. 35 об.—36).

Милостивый государь Сергѣй Николаевич!

Хотя я не пользуюсь удовольствіемъ знать васъ лично, но имѣю совершенное къ вамъ уваженіе. Благороднѣйшія чувствованія сердца вашего, преданныя милому мнѣ отечеству,ознакомили уже меня съ вами, и я исполненъ къ вамъ всей довѣренности, какъ русскій къ русскому. Чего и довольно.

Вы не любите и презираете французовъ, а я ихъ ненавижу, итакъ я принявъ вольность препроводить на благоразсмотрѣніе ваше бумагу. Если она достойна предмета, въ ней изображеннаго, то благоволите ей доставить честь быть помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“⁶⁾.

Подарите меня вашею дружбою и искренностію, я тѣмъ много буду вамъ обязанъ. Я врагъ всякой утонченности, образованности,

⁵⁾ Къ М. А. Изъдинову, отъ 20 октября 1813, изъ села Черновскаго. „Русск. Вѣстникъ“ 1814 кн. 4, стр. 10—15. Къ русскому помѣщику Н. М. Колячатскому, оттуда же, отъ 22 окт. 1812 г. Ів. 1814 кн. 12, стр. 6—8. Къ супругѣ покойнаго генерала Дорохова, изъ Арзамаса, отъ 10 іюня 1815 и къ дочери Ермолова. Ів. 1815, кн. 15, стр. 73—77. Статейка: „Гласъ Россіянина къ единоземцамъ“. Ів. 1813, часть 4 (VIII), стр. 53 и слѣд.

⁶⁾ Была помѣщена съ слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя „Русскаго Вѣстника“: Сія статья доставлена въ „Русской Вѣстникъ“ Гавріиломъ Петровичемъ Ермоловымъ, почтеннымъ любителемъ отечественныхъ добродѣтелей.

введенныхъ у насъ злодѣями французами, составившими всѣ бѣдствія Россіи и роду человѣческому, а потому и прошу васъ чистосердечно сказать мнѣ свои мысли о „Голосѣ Россіянина“. Я, не писатель, самолюбіе и гордость съ душою моею не въ сосѣдствѣ, и мнѣ весьма будетъ пріятно узнать ваше заключеніе. Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію, русскому свойственной, имѣю честь быть“.

Съ подобнаго рода просьбами Ермоловъ обращался къ Глинкѣ отъ 20 октября 1813 г. (л. 44), отъ 14 ноября того же года (л. 48 об.) и отъ 22 апрѣля 1814 г. (стр. 29)⁷⁾.

Для ознакомленія съ личностію автора памфлета на графа М. М. Сперанскаго, Г. П. Ермолова, въ предлагаемомъ предисловіи, ограничимся только тѣми его письмами, въ которыхъ онъ говоритъ о себѣ, своемъ семействѣ, своихъ родныхъ и окружающихъ его, иначе сообщаемъ матеріалы для своей біографіи и при этомъ скажемъ о той благодарной памяти, какую питалъ Ермоловъ къ князю Кутузову-Смоленскому, какъ къ герою отечественной войны, а также какъ къ своему покровителю, и наконецъ, на основаніи его писемъ къ архимандриту Филарету, впоследствии митрополиту московскому, познакомимся съ духовнымъ укладомъ нашего автора.

Въ помѣщаемыхъ автобіографическихъ матеріалахъ Ермолова, мы дѣлаемъ выдержки изъ его писемъ и статей, а равно нѣкоторыя его письма помѣщаемъ сполна.

1) Гавріилъ Петровичъ Ермоловъ родился въ 1764 году. Указаніе на это, хотя не прямое, находимъ въ письмѣ, отъ 14 марта 1814 года, „къ Жителю окрестностей С.-Петербурга“⁸⁾. Въ этомъ письмѣ Ермоловъ, между прочимъ, пишетъ: „Я, милостивый государь, скажу вамъ мои мысли, что не отчаиваюсь дожить до того счастливаго времени, (до) котораго вы не надѣетесь, не потому чтобъ я былъ молодъ,⁹⁾ пятьдесятъ уже лѣтъ минуло мнѣ и зима жизни моей наступила“.....

⁷⁾ Въ первомъ случаѣ Ермоловъ проситъ напечатать письмо къ Изъѣдникову, во второмъ статью: „Приношеніе землѣ русской“, которая напечатана не была; съ этою статьею, какъ увидимъ ниже, Ермоловъ обращался къ архимандриту Филарету, и въ третьемъ случаѣ Ермоловъ въ своемъ письмѣ не упоминаетъ названія препровождаемой для напечатанія „бумаги“.

⁸⁾ Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1813 г. часть 4, кн. 12, стр. 41 и слѣд. была напечатана статья съ именемъ автора, назвавшимъ себя—жителемъ окрестностей С.-Петербурга, подъ названіемъ: „Замѣчанія на французолубцевъ старика, живущаго въ окрестностяхъ Санктпетербурга.“

Такимъ образомъ опредѣливъ годъ рожденія Г. П. Ермолова и принявъ, по сообщенію его сына, 1829 г. за годъ кончины, узнаемъ, что Гавріилъ Петровичъ прожилъ 65 лѣтъ.

Будучи бѣднымъ дворяниномъ Симбирской губерніи, Ермоловъ имѣлъ небольшое помѣстье въ Нижегородской губерніи, село Черновское, владѣя весьма ограниченнымъ числомъ крестьянъ, въ числѣ 165 душъ. Въ обращеніи къ дворянамъ Симбирской губерніи, гдѣ говорится объ единокшій дворянъ въ тяжкую годину 1812 года, о значеніи подвиговъ Александра I-го и касательно сооруженія ему памятника „изъ сердецъ своихъ“, выражающагося въ вспомошествованіяхъ въ пользу бѣдныхъ дворянскихъ семей, отцы коихъ были въ ополченіи и въ Рязанскомъ полку (стр. 93—97), Ермоловъ пишетъ, что онъ „имѣетъ честь состоять въ спискѣ Симбирской губерніи благородныхъ дворянъ по Ардатовской округѣ“ (стр. 99).

Въ письмѣ къ Александру Ѳеодоровичу Ермолову^{*)}, въ Симбирскѣ, отъ 20 декабря 1814 года, съ просьбою получить медаль въ память войны, въ силу манифеста, по которому дворяне должны были возложить на себя медали, Г. П. Ермоловъ упоминаетъ о себѣ, какъ „дворянинѣ, состоявшемъ по спискамъ Симбирской губерніи“ (стр. 89—90).

Поздравляя Ивана Дмитріевича Апраксина со взятіемъ Парижа русскими войсками, Г. П. Ермоловъ скорбитъ о равнодушіи Симбирскаго дворянства къ участи храбрыхъ русскихъ воиновъ, и читая въ журналахъ о денежныхъ вспомошествованіяхъ отъ разныхъ губерній въ пользу инвалидовъ, и нигдѣ не видя о какомъ бы то ни было пожертвованіи отъ Симбирской губерніи, онъ говорить: „признаюсь вамъ, милостивый государь, что для сердца добраго русскаго это очень горько и имѣя честь состоять въ спискѣ благородныхъ дворянъ по Симбирской губерніи, не могу быть къ оному равнодушнъ“. (Стр. 35—37, копія съ письма къ И. Д. Апраксину, отъ 27 апр. 1814 г.).

И дѣйствительно, Ермоловъ не остается равнодушнымъ къ этому дѣлу, онъ дѣлаетъ денежный сборъ съ своихъ крестьянъ и своего семейства въ пользу инвалидовъ. Очень любопытно описываетъ онъ объ этомъ обстоятельствѣ въ письмѣ къ С. Н. Глинкѣ, отъ 28 апрѣля того же года: „я рѣшился торжествовать славу нашего монарха въ

^{*)} Александръ Ѳеодоровичъ Ермоловъ, губернскаго предводитель Симбирскаго дворянства. Мѣсяцесловъ съ росписью чиновныхъ особъ или штата Россійской имперіи, на лѣто 1813, часть II. Спб. при Импер. Акад. Наукъ.

глазахъ семейства моего съ моими православными, я далъ имъ хоро-
шій обѣдъ, наполнилъ ихъ виномъ и пивомъ; и съ кѣмъ же прежде
должно раздѣлить радость отечества, какъ не съ тѣми, которые со-
вершили столь великое и спасительное дѣло. Но приступая къ сему
празднеству, я сказалъ самъ себѣ: этимъ нынѣ удовольствіемъ, этою
возможностію я обяванъ русскимъ воинамъ, слѣдственно самая спра-
ведливость требуетъ, чтобъ и они участвовали въ ономъ и потому
предположилъ я изъ назначенной мною на празднество суммы, де-
сятую часть отдѣлить инвалидамъ, что и составило семь рублей. При
началѣ сей пирушки я сказалъ моимъ людямъ и крестьянамъ: Друзья!
я даю вамъ этотъ праздникъ въ честь нашего Государя, враги наши
истреблены, и русскіе въ Парижѣ, веселитесь, кушайте и пейте, чѣмъ
Вогъ послалъ. Но вспомните ребята, что солдаты дрались сильно за
насъ, много осталось безъ рукъ и безъ ногъ, надобно намъ дать имъ,
что кто можетъ. Всѣ вдругъ закричали по 25 копѣекъ съ человѣка,
что и составило 15 рублей. Жена моя отдала мнѣ 5 рублей, да во-
семь человѣкъ юныхъ дѣтей моихъ принесли 8 рублей и всего на-
бралось 35 рублей, которые и предоставляю въ ваше полное распо-
раженіе.—Если бы удостоено было мое предложеніе ¹⁰⁾ уваженія, то
весьма бы было согласно съ праведностію и благодарностію, чтобъ
богатые наши братья дворяне, или тѣ, которые любятъ жить весело,
роскошно, благоволили бы изъ назначаемой ими суммы на каковой
либо даваемый ими пиръ, а паче нынѣ, оставлять десятую часть въ
пользу инвалидовъ, посѣтители же сего празднества въ томъ же домѣ
клали бы по рублю. Какое бы было благочестивое и богоугодное
употребленіе, даже не уменьшающее ни роскоши хозяина, ни при-
хотливости гостей,—тогда то уха изъ стерлядей камскихъ, теленокъ
архангелогородскій, осетръ уральскій, вино токайское и шампанское,
право покажутся вкуснѣе. Гдѣ удовольствія и изобилія оживотворяютъ
людей къ веселію и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняется благонамѣреніе къ
пользѣ общей, тогда только этотъ день можетъ назваться настоящимъ
днемъ празднества, благословляемаго самимъ Богомъ. (Стр. 37—40).

Предлагая Симбирскому дворянству сдѣлать пожертвованія въ
пользу дворянскихъ семействъ, отцы которыхъ были въ ополченіи и
предлагая съ своей стороны протянуть руку помощи на это дѣло, Ер-
моловъ пишетъ: „я по Ардатовской округѣ не имѣю крестьянъ, по
буде дворянскимъ собраніемъ положено будетъ для предлагаемаго

¹⁰⁾ О сборѣ денежныхъ пожертвованій съ дворянъ въ пользу русскихъ
инвалидовъ.

мною пособія бѣднымъ дворянамъ сдѣлать сборъ денегъ, то я со ста шестидесяти пяти душъ за мною по Нижегородской губерніи состоявшихъ, съ душевною радостію, положенныя обществомъ деньги внести готовъ.“ (Обращеніе къ дворянамъ Симбирской губерніи, безъ годовой даты, стр. 93—99).

Мысль о пожертваніяхъ отъ всѣхъ губерній въ пользу увѣчныхъ русскихъ вѣнцовъ и ихъ семействъ, Г. П. Ермоловъ высказываетъ въ письмѣ къ графу А. А. Аракчееву, отъ 1 августа 1814 г., предлагая воспользоваться удобнымъ къ этому случаемъ. Съѣхавшіеся въ Петербургъ изъ всѣхъ губерній дворянскіе депутаты для встрѣчи Государя могли бы, по испрошеніи Высочайшей воли, собрать единовременныя пожертванія съ дворянскихъ имѣній, по одному рублю съ ревизской души. Собранную сумму хранить въ Государственномъ банкѣ, „подъ названіемъ суммы пенсіонеровъ съ 1812 года и проценты, съ оной получаемые, прибавить въ награжденіе къ пенсіонамъ, назначаемымъ отъ казны, что самое приумножа сумму, опредѣляемую для нуждающагося, облегчить его недостатки“. Такое пожертвованіе, по мнѣнію Ермолова, не можетъ быть отяготительнымъ для дворянства: „первое: потому, что она жертва есть посвященнѣйшая, благочестивѣйшая и должная; второе: если примѣрно положить, что каждый помѣщикъ съ своего имѣнія получаетъ съ души только десять рублей доходу, то выходитъ, что каждый дворянинъ изъ своего годового дохода на одинъ разъ отдать долженъ десятую тою часть. Такое пожертвованіе въ сравненіи тѣхъ великихъ обязанностей и пользы, каковыя отъ онаго ожидать должно, не только въ настоящемъ но и въ будущія времена, можетъ ли великодушному дворянству російскому показаться отяготительнымъ? Я не смѣю о томъ и думать, чтобы не оскорбить его“...

Въ заключеніе Ермоловъ говоритъ: „желаніе мое тою общеплезнаго подало мнѣ поводъ принять смѣлость, представить вашему сіятельству мою мысль. Можетъ не будетъ лишнимъ для меня, когда при семъ осмѣлюсь представить еще и то, что всѣ дворяне, которые въ прошедшую войну сражались со врагами нашими, есть по сердцу моему, всѣ мои ближніе, и судьба ихъ совсѣмъ не отдѣляется отъ собственной моей, и хотя я въ арміи имѣю родственниковъ и ближнихъ, но въ награжденіи такого рода они не могутъ имѣть нужды; а потому донесу вашему сіятельству, что я имѣя состояніе 163 души, не занимаю никакой должности. Семейство мое состоитъ изъ жены и девяти человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей, на моемъ содержаніи живущихъ, но я съ радостною душею, съ восхищеніемъ сердца моего, благослов-

ляя славу и великость Государя моего, готовъ мой 163 рубли тотчасъ внести въ жертву храбрымъ моимъ собратіямъ. (Стр. 65—69).

При ограниченныхъ жизненныхъ средствахъ, будучи обремененъ большимъ семействомъ, Ермоловъ нуждался въ матеріальныхъ пособіяхъ и покровительствѣ. Въ письмѣ къ князю Кутузову-Смоленскому, отъ 24 декабря 1812 г., съ просьбою прислать портретъ⁴¹⁾ князя, онъ жалуется на свою бѣдность: „Я бѣденъ, купить или достать портретъ вашъ я не въ силахъ“, затѣмъ упоминаетъ о трехъ малолѣтнихъ сыновьяхъ и пяти дочеряхъ (л. 6 об.—7).

Послѣ смерти Кутузова, Ермоловъ ищетъ покровительства у княгини Кутузовой, Екатерины Ильиничны, и не перестаетъ жаловаться на свои стѣсненные обстоятельства, побуждавшія его искать какого нибудь мѣста, такъ въ письмѣ отъ 11 июля 1813 года, онъ, между прочимъ, пишетъ: „Милостивѣйшая Государыня! Есть ли жестокая судьба лишила меня въ супругѣ вашемъ моего благодѣтеля, то позвольте мнѣ и семейству моему имѣть счастье почитать васъ нашу покровительницею. Въ лицѣ вашей свѣтлости и вашего потомства я буду видѣть своего спасителя и глубочайшее уваженіе, неограниченная преданность, полное сердце усердія и признанія, да будетъ священнымъ и непреложнымъ мнѣ закономъ во все время жизни моей быть и имѣть счастье называться (л. 34 об.—35).

Черезъ годъ (16 іюля 1814 года), Ермоловъ снова писалъ къ Екатеринѣ Ильиничнѣ: „Черезъ 25 лѣтъ жестокихъ неприятностей, преслѣдующихъ меня повсюду, счастье неожиданное дало мнѣ было приобрести покровителя въ лицѣ великаго героя, покойнаго супруга вашего, но съ кончиной его, всѣ надежды мои исчезли, и я оставленъ былъ въ горькой моей участи. Но великодушное вашей свѣтлости вниманіе къ моему семейству, обѣщаніе высокаго вашего мнѣ покровительства оживило мой духъ, и я въ полной радости, самъ себѣ говорю: я буду счастливъ, жена великаго мужа благодѣтельствуя тебѣ, исторгнетъ отъ золь тебя угнетающихъ. Ваша свѣтлость! Простите моей искренности, съ которою я осмѣливаюсь доложить вамъ, иначе не смѣю говорить съ благотворительницею моею, на которую единственная моя надежда и упованіе.

Небольшое мое состояніе и большое семейство дѣлаютъ положеніе мое крайне отяготительнымъ собственно для лица моего. Я всѣмъ доволенъ, но воспитать пять дочерей и трехъ сыновъ, сдѣлать ихъ

⁴¹⁾ О желаніи Ермолова имѣть портретъ князя Кутузова и о полученіи портрета сказано ниже.

полезными отечеству, я лишень на то всёхъ возможностей. Облагодѣтельствуя меня, ваша свѣтлость, вы соизволите облагодѣтельствовать горестное семейство, которое имѣеть одну отраду быть токмо добрыми и ожидать единственнаго вашего покровительства“. Далѣе, въ этомъ же письмѣ Ермоловъ просить княгиню о мѣстѣ: „Пріятель мой, г. Поповъ, имѣя счастье быть предъ лицомъ вашей свѣтлости, сообщилъ мнѣ, сколь благодѣтельное вы изволите обращать вниманіе на мое состояніе, почему и препоручилъ ему поднести вашей свѣтлости записку о желаніи моемъ занять мѣсто по службѣ. Вамъ единственной вручаю всю мою и дѣтей моихъ участь“. (Стр. 54—56).

Княгиня Кузубова покровительствовала Ермолову, что видимъ изъ его благодарности, посланной отъ 15 сентября того-же года: „Извѣщенъ будучи о милостивомъ вашей свѣтлости пріемѣ письма моего и записки о благодѣтельномъ покровительствѣ, которое вамъ угодно явить мнѣ, за священную должность себѣ вмѣляю принести вашей свѣтлости всепокорнѣйшую мою благодарность. (Стр. 87).

О недостаткахъ въ денежныхъ средствахъ и о своихъ жизненныхъ невгодахъ, Гавріилъ Петровичъ говоритъ въ письмѣ къ своей сестрѣ, Екатериѣ Петровнѣ, отъ 7 декабря 1813 года. Утѣшая сестру въ потерѣ ея дѣтей, Ермоловъ, между прочимъ, пишетъ: „Если бы я имѣлъ хотя малѣйшую возможность, я бы летѣлъ къ вамъ раздѣлить съ вами печаль вашу, и если я сберусь деньгами, я у Васъ“. „Вы мнѣ, другъ мой, желаете благополучія тридцать лѣтъ, бѣдствія, горести, печали непрерывно текутъ со днями моей жизни“. Изъ этого же письма, со словъ самого Ермолова, узнаемъ о его женѣ и отчасти знакомимся съ ея внутреннимъ міромъ. „Жена моя благодаритъ васъ за пріятейшее объ ней воспоминаніе. Она, читая письмо ваше, соображая горесть вашу и перенося себя въ ваше положеніе, горько плакала; она уже васъ почитаетъ и, видя изъ письма вашего совершенную ко мнѣ вашу откровенность, обожаетъ васъ. Я удивленъ былъ ея къ вамъ чувствованіямъ и даже сказалъ, о чемъ плачешь ты такъ много, не зная человѣка. Какой же былъ ея отвѣтъ? Письмо твоей сестры довольно мнѣ ее показало, она благочестива, нѣжна и тебя любить, я ее уже знаю. Вотъ милая сестра, какъ съ вами я искреннѣе, жена моя свидѣтельствуетъ вамъ совершенное свое усердіе. (Стр. 8—11).

Занималъ ли когда Ермоловъ какое-либо служебное поприще, изъ писемъ не видно. Подъ письмомъ къ свѣтлѣйшему князю Петру Христіановичу Витгенштейну, отъ 2 сентября 1814 года, Ермоловъ подписывается „подполковникомъ“. (Стр. 85). Такое голословное ука-

заніе не даетъ никакого понятія о служебной карьерѣ Гавріила Петровича.

Можно предполагать, что Ермоловъ занималъ частную службу и притомъ очень недолго ¹²⁾. Изъ отвѣта къ графу Виктору Павловичу, вѣроятно Кочубею, отъ 4 марта 1814 года, видно, что Ермоловъ имѣлъ какое то отношеніе къ хозяйству графа, или, быть можетъ, былъ управляющимъ его имѣнія. „Быть полезнымъ въ совѣтахъ, писалъ Ермоловъ, клонящихся къ выгодамъ вашего сіятельства г. Ушакову (можетъ быть преемнику по службѣ Ермолова), приѣмлю за особенное себѣ удовольствіе и довѣренность и готовъ принести въ жертву вамъ всѣ мои способности. Относительно жъ до того, что я безъ воли вашего сіятельства давалъ видъ крестьянамъ вашимъ, то знавши самъ, что я весьма смѣло приступая къ таковому дѣлу, которое могло бы болѣе послужить ко вреду добраго имени нежели къ чести“. Оправдываясь въ своихъ поступкахъ, Ермоловъ продолжаетъ: и между тѣмъ, позвольте доложить какимъ бы ваше сіятельство меня сочли человѣкомъ, котораго не имѣя вашего позволенія, ни вашей довѣренности, сталъ бы писать съ такою свободою о такихъ людяхъ и о такихъ дѣлахъ, которые бы болѣе заставили васъ меня почитать коварнымъ клеветникомъ, нежели бы удостоили вѣроятія мои донесенія; а съ тѣмъ самымъ вы бы теряли пользы, страдало бы человѣчество, пострадалъ бы и я“... (Стр. 19—21).

Ермоловъ получилъ очень ограниченное образованіе. Передаемъ рассказъ объ этомъ со словъ самого Ермолова, помѣщенный въ письмѣ его къ Жителю окрестностей С.-Петербурга ¹³⁾, отъ 14 марта 1814 года. „Не будетъ лишнимъ если я вамъ, милостивый государь, скажу о себѣ, что покойные мои родители для меня съ братомъ нанимали француза, я былъ тогда 10 лѣтъ и учился. Но несчастныя происшествія повизовыхъ странъ въ тогдашнее время выгнали и моихъ родителей въ Москву; мать моя умерла, родитель мой, лишившійся жены к хорошаго имѣнія, возвратился въ деревню, не разсудилъ уже брать француза учить насъ, а потому все то, что я зналъ, забылъ въ продолженіе времени. Наконецъ благопріятный случай позволилъ мнѣ уже жить въ обѣихъ столицахъ. Но не умѣя говорить по французски, былъ во многихъ бесѣдахъ, чувствовалъ большое неудовольствіе на покойнаго родителя моего, видя себя презрѣннымъ и

¹²⁾ Въ письмѣ къ княгинѣ Кутузовой, отъ 16 іюля 1814 г. Ермоловъ проситъ себѣ мѣста.

¹³⁾ См. прим. 8.

лишимъ, думалъ самъ съ собою; но нѣкоторый голосъ въ сердцѣ говоритъ мнѣ—не скорби, будетъ время, что ты благословлять станешь за то отца своего. Такъ теперь я вижу событіе этого благодѣтельного гласа, это былъ духъ, милующій меня, благотворящій мнѣ. Могу ли я угадать, если бы я зналъ французскій языкъ, сознакомлся бы съ разбойниками французами, и кто вѣдаетъ чтобъ я не былъ то, что всякій русскій нынѣ проклиняетъ въ душѣ своей. Я теперь русскій, сынъ моего отечества, вѣрноподанный Государю моему, добрый христіанинъ, съ какимъ языкомъ можетъ сравняться эта честь и удовольствие?“ (Стр. 75—76).

Въ другомъ весьма интересномъ письмѣ къ неизвѣстному Автору писемъ, напечатанныхъ въ Сынѣ Отечества ¹⁴⁾, отъ 26 марта 1814 года, о малоуспѣшности обученія французскому языку, благодаря разному сброду французскихъ педагоговъ и большихъ затратахъ на это дѣло со стороны русскихъ, Ермоловъ о своемъ образованіи говоритъ слѣдующее: Я человекъ не ученый, непроевѣщенный по нынѣшнему образцу и не беру на себя такового высокаго знанія, чтобы разсматривать со стороны учености, какъ историкъ и путешественникъ, духъ народовъ, любящихъ свои отечества. (Стр. 28).

Въ двухъ письмахъ, относящихся къ 1815 году и писанныхъ къ Авдотѣ Яковлевнѣ ¹⁵⁾, которая не была знакома съ Ермоловымъ, а знала о немъ только отъ его дочери Варвары Гавриловны, въ первомъ письмѣ Гаврилъ Петровичъ выражаетъ свое живѣйшее участіе по поводу смерти мужа Авдотьи Яковлевны, погибшаго на войнѣ, во второмъ говоритъ о своей дочери: „Благосклоннѣйшее вниманіе ваше, которое могла возбудить въ васъ Варвара Гавриловна, я болѣе отпущу моему счастью, ибо что дочь благочестивая сказать можетъ инако объ отцѣ какъ то, что служить можетъ въ похвалу ему, хотя было бы то и лишнее. Нерѣдко мы видимъ, что любящіе совсѣмъ придаютъ болѣе цѣны тѣмъ, которыхъ любятъ, нежели они того стоятъ, и если это есть слабость—то извинительная, а паче въ женщинахъ, у коихъ чувства сердечныя почти всегда берутъ верхъ предъ строгою разборчивостію“ (л. 57—59).

2) Особую благодарность, любовь и уваженіе Г. П. Ермоловъ питалъ къ князю Кутузову-Смоленскому, какъ спасителю отечества отъ грознаго врага и славному герою отечественной войны.

¹⁴⁾ Напечатано 12-ть писемъ изъ Москвы въ Нижній Новгородъ. „Сынъ Отечества“ 1813, XXXV, 89, XXXVI, 229, XXXIX, 3, XLIV, 211, XLV, 259, XLVI, 24, XLVIII, 6, XLIX, 137; 1814, I, 62, 97, VII, 19, XXXIV, 39, XXXIX, 3.

¹⁵⁾ Фамилія не означена.

Глубокое уваженіе и почитаніе Кутузова выразилось въ желаніи Ермолова имѣть портретъ князя Смоленскаго. Вотъ, между прочимъ, въ какихъ выраженіяхъ обращается Ермоловъ къ Кутузову съ этою просьбою: „Я принимаю смѣлость просить у васъ одной милости благодаренія. Неужели вы откажете, пожалуйста мнѣ вашъ портретъ, не нужно мнѣ искусство живописца, мнѣ нужно одно сходство, я хочу читать въ глазахъ неустрашимое мужество и твердость въ опасностяхъ, разорвавшую всю силу надменнаго счастливица и охранившую насъ отъ врага жестокаго; я хочу видѣть черты, оживаемыя пламенною любовію къ отечеству, непоколебимою вѣрностію къ царю и христіанскою любовію къ Богу, въ семъ изображеніи я токмо видѣть и узнать васъ могу“. (Копія съ письма отъ 24 декабря 1812 года, л. 6 об.—7) ¹⁶⁾.

По приказанію князя Смоленскаго, старшій адъютантъ его, гвардіи полковникъ Иванъ Никитичъ Скоблевъ, отъ 25 января 1813 года, извѣщаетъ Ермолова, что множество обязанностей мѣшаютъ князю заплатить его портретомъ за то удовольствіе, какое получилъ князь отъ письма Ермолова и охотно бы исполнилъ желаніе Ермолова, если бы былъ готовый портретъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Скоблевъ говоритъ Ермолову, какъ своему земляку, „что ни одна ода изъ пяти сотъ не произвела на князя столько впечатлѣній, сколько старорусскій штиль письма вашего, неразлучно съ истинной соплетенной ускорили сей весьма рѣдкій выигрышъ краспорѣчию; но вы преуспѣли въ томъ съ избыткомъ, съ чѣмъ отъ души васъ поздравляю“ (л. 38 об.—39).

Послѣ этого предварительнаго письма Ермолову посланнаго Скоблевымъ, черезъ четыре дня (29 янв.) отвѣчаетъ и самъ Кутузовъ: „Примите искреннѣйшую мою благодарность, милостивый государь мой Гавріилъ Петровичъ, за письмо ваше отъ 24 декабря, мною полученное. Участіе, пріемлемое вами во всемъ, касающемся до любез-

¹⁶⁾ Въ статьѣ: „Скромность истиннаго героя“, напечатанной въ „Сынъ Отечества“ (1813 г. № XXIX, стр. 123 и слѣд.), гдѣ говорится о подвигахъ князя Кутузова - Смоленскаго, между прочимъ, читаемъ: „Въ то время, когда злобный врагъ бѣжалъ изъ предѣловъ Россійскихъ, гонимый гнѣвомъ Божиимъ въ лицѣ князя Смоленскаго, и удивленный міръ едва вѣрилъ очамъ своимъ, и благодарная Россія не могла найти словъ, для выраженія всѣхъ своихъ чувствій, одинъ почтенный Сынъ Русскаго Отечества (Гавріилъ Петровичъ Ермоловъ) обратился къ нему съ просьбою о доставленіи ему своего изображенія. Письмо, въ которомъ заключалась просьба сія, дышало чувствованіями истиннаго уваженія и благодарности къ спасителю Россіи.

нѣйшаго нашего отечества, доказываетъ мнѣ, что вы истинный сынъ Россіи. Сердце мое, вмѣстѣ съ вашимъ, радуется той славѣ, каковой увѣнчаны воины, ополчившіеся противъ врага цѣлой Европы. . . . Относительно портрета: „Желаніе ваше имѣть мой портретъ почту за особенное удовольствіе выполнить доставленіемъ онаго вамъ, но не прежде, какъ получу изъ С.-Петербурга; ранѣе же сдѣлать сіе не имѣю возможности“ ¹⁷⁾ (л. 8).

Въ письмѣ къ „любезному другу“ (безъ годовой даты), по поводу желанія получить портретъ, Ермоловъ отвѣчаетъ на слѣдующіе вопросы: 1) какъ онъ (Ермоловъ) могъ писать къ князю Смоленскому, 2) какъ могъ просить портретъ князя, 3) какъ могъ надѣяться получить портретъ и 4) еслибы многіе стали просить князя о высылкѣ портрета, князь бы разорился (л. 36 об.—38).

При жизни Кутузова такъ и не удалось Ермолову получить прорисаго портрета. Но желаніе Ермолова было такъ сильно, такъ глубоко и горяча была память къ спасителю отечества и бывшему своему благодѣтелю, что заставляли его неотступно просить о присылкѣ портрета отечественнаго героя, уже покойнаго, у вдовой княгини Кутузовой (11 іюля 1813 г., л. 34 об.—35) и дочери покойнаго Кутузова, Анны Михайловны Хитровой (21 января 1814 г., стр. 1).

Наконецъ, въ іюлѣ 1814 г., желанный, давно ожидаемый съ нетерпѣніемъ портретъ князя Кутузова былъ полученъ Ермоловымъ отъ княгини Екатерины Ильиничны. Это событіе было великимъ праздникомъ въ Ермоловской семьѣ. По этому случаю Гавріиль Петровичъ обращается къ своимъ дѣтямъ съ слѣдующимъ завѣтомъ, изъ котораго приводимъ одно мѣсто: „итакъ день сей, любезные дѣти, въ который мы получили и удостоились видѣть великаго героя изображеніе, да будетъ день благословенный и празднуемый нами ежегодно въ воспоминаніе его дѣлъ и отличной благодати, къ намъ излиянной; да продлится этотъ завѣтъ мой и въ потомство ваше, и есть ли кто-либо изъ васъ неисполнить сего священнаго моего завѣщанія, да не будетъ на томъ благословенія Господа Бога моего.“ (Стр. 57—60).

Такъ глубоко и искренно чтить Г. П. Ермоловъ память М. И. Кутузова—Смоленскаго, о которомъ онъ еще впервые высказался въ своей статейкѣ: „Мнѣніе деревенскаго жителя“ (1812 г. ноября 16, л. 3), гдѣ сравнилъ внутреннюю духовную сторону Кутузова съ Напо-

¹⁷⁾ Письмо Кутузова напеч. въ статьѣ: „Скромность истиннаго героя“. См. предъид. прим.

леономъ. Управлять самимъ собою, побѣдить самого себя для счастья и пользы другихъ, по мнѣнію Ермолова есть достоинство превыше всѣхъ, дающее право называться великимъ и суть качества великаго человѣка. Великій Наполеонъ, великій политикъ и великій полководецъ не могъ побѣдить самого себя при своей ненасытной гордости, славолюбии, управляемыми его душою. Но Кутузовъ долженъ быть названъ великимъ человѣкомъ и героемъ, потому что онъ, побѣдивъ самого себя, спасъ Россію и возвелъ славу и величіе ея.

3) Ермоловъ находился въ сношеніяхъ и съ архимандритомъ Филаретомъ, ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи¹⁸⁾, впоследствии приснопамятнымъ митрополитомъ Московскимъ. Мотивомъ обращенія Ермолова къ архимандриту Филарету послужилъ все тотъ же Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ-Смоленскій.

Прочитавъ напечатанные въ „Сынѣ Отечества“ (N XXXII—XXXIII кн. 13, 1813) письмо Оленина (отъ 5 янв. 1813 г.) къ архимандриту Филарету и отвѣтъ Филарета — „о нравственныхъ причинахъ немощныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.“, Ермоловъ по поводу этой переписки обращается къ архимандриту Филарету съ слѣдующимъ письмомъ¹⁹⁾: (12 марта 1814 года).

Ваше Высокопреподобіе!

Отвѣтъ вашъ на письмо г. Оленина въ 32-й книгѣ „Сына Отечества“ напечатанный²⁰⁾, падаеть мнѣ основательную надежду думать, что ваше высокопреподобіе и мое приношеніе, единственно до меня касающееся, удостоете принять съ благосклонностію. Долго колебался я воспользоваться этою смѣлостію.

Чѣмъ внезапно было вторженіе враговъ въ землю нашу, чѣмъ болѣе ужасныхъ бѣдствій распространилось отъ нихъ въ отечествѣ нашемъ и чѣмъ мы болѣе угрожаемы были разрушеніемъ благоденствія, потерей славы и свободы нашей, тѣмъ блистательнѣе явились на зрѣлище вселенной дѣла великаго героя, тѣмъ признательнѣе рос-

¹⁸⁾ Ректоръ и профессоръ богословскихъ наукъ съ 11 марта 1812 г. до 23 іюля 1823 г.

¹⁹⁾ Между извѣстными печатными письмами къ архимандриту Филарету за указанный періодъ его дѣятельности, этого письма не встрѣчается.

²⁰⁾ Въ XXXII—XXXIII кн. 1813 г. „Сына Отечества“ напечатаны: Письмо Оленина, отъ 5 янв. 1813 г. къ архим. Филарету и отвѣтъ Филарета. Последній былъ читанъ въ собраніи Бесѣды любителей Русскаго Слова 20 мая 1813 года.

сіе не должны чувствовать обязанность свою къ защитнику вѣры, отечества и всего намъ священнаго. Въ три мѣсяца гордый и вадменный властолюбець съ полчищами своими былъ въ первопрестольномъ градѣ, въ 49 дней онъ исчезъ, пропалъ съ лица земли русской и поражаемый гнѣвомъ Божиимъ въ лицѣ князя Смоленскаго, толпы дерзновенныхъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1813 года искали уже спасенія своего за Эльбой. Все сіе было дѣло вождя русскаго.

Въ то самое время, когда вся Европа, или лучше сказать, цѣлый свѣтъ съ изумленіемъ взиралъ на подвиги и славу знаменитаго полководца, освобождающаго Европу, смерть его среди блистательныхъ побѣдъ остановила довершить ему начатое.

Извѣстіе о кончинѣ князя Смоленскаго, сего великаго мужа поразило всѣхъ, что и быть не могло иначе. Но я, какъ сынъ милаго мнѣ отечества, сугубо чувствовалъ сію потерю, потому что въ немъ лишился и моего благодѣтеля. Сіи два чувствованія сливаясь въ душѣ моей, наполняли ее жестокою горестію до такой степени, что я дерзалъ, какъ слабый человѣкъ, жаловаться самъ въ себѣ на таковой случай. Чувства скорби лютой обремѣняли, убивали меня и дѣлали всегда погрѣшающимъ противъ вѣры и должности истиннаго христіанина. Но прочитавъ слово, которое ваше высокопреподобіе изволили говорить на погребеніе російскаго маккавея²¹⁾, почувствовалъ всю мою дерзость роптать на предполагаемый предѣлъ всемогущаго Бога, позналъ грѣхъ мой, который исповѣдую вамъ.

Неподражаемое краснорѣчіе вашего высокопреподобія, убѣдительныя истины въ доказательствахъ, что власть Тривѣстаснаго Бога неисповѣдима смертнымъ, что благость его есть неисчерпаема для вѣрующихъ въ Него, и что съ смиреніемъ покаяясь волѣ всеблагаго промысла, истинный христіанинъ долженъ ожидать своего блаженства, убѣдили меня наконецъ покойно повиноваться судьбамъ Вышняго, облегчили страданія сердца моего, сняли подавляющія гири съ души моей, и я въ тихомъ нынѣ уединеніи моемъ, съ подобострастіемъ внимая словамъ вашимъ, говорю: Господи не вниди въ судъ съ рабомъ твоимъ.

---

²¹⁾ Это извѣстное слово, говоренное въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государей великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича, при гробѣ главнокомандовавшаго арміями генералъ-фельдмаршала Голеницина-Кутузова-Смоленскаго, архим. Филаретомъ, было напечатано отдѣльно въ С.-Петербургской Синодальной типографіи, въ 1813 г. См. роспись російск. книгамъ для чтенія изъ бібліотеки А. Смирдина, Сиб. 1828, № 532.

Есть ли въра и нравственность научаютъ насъ быть признательными къ благодѣтельствующимъ намъ въ нуждахъ мірской жизни, сколь же превосходящая, благоговѣйная и несравнительная благодарность наша должа уже относиться къ тѣмъ, которые благодѣлствуютъ намъ въ жизни духовной, укрѣпляютъ насъ въ вѣрѣ, надеждѣ и воспаляютъ любовь нашу къ Богу, которые предохраняютъ отъ впаденій въ тяжкіе грѣхи, насъ погубляющихъ; которые поученіями своими раскрываютъ мракъ нашихъ заблужденій и открываютъ свѣтъ истины, ведущій насъ по пути закона и добродѣтелей. Сею то высочайшею благодарностію я почитаю себя обязаннымъ единственно вашему высокопреподобію и осмѣливаюсь симъ письмомъ изъяснить вамъ всѣ чувства искреннѣйшаго моего признанія. Не отриньте принять сей слабый даръ, вамъ посвящаемый. Поручая себя молитвамъ вашимъ, съ совершеннѣйшимъ почитаніемъ и глубочайшимъ усердіемъ и преданностію имѣю честь быть.

Изъ послѣдующихъ двухъ писемъ къ архимандриту Филарету, также неважныхъ между извѣстными печатными письмами (см. прим. 19), въ первомъ (отъ 18 августа 1814 г.), Ермоловъ благодаритъ Филарета за присланныя имъ слова, и о томъ удовольствіи, какое онъ испыталъ при прочтеніи слова „О гласѣ вопіющаго въ пустыни“²²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ нѣсколько мыслей о своемъ духовномъ укладѣ, съ которымъ мы частію уже познакомились изъ приведеннаго письма; въ послѣднемъ письмѣ (отъ 8-го сентября того же года), Ермоловъ препровождаетъ къ Филарету на разсмотрѣніе свою статью „Приношеніе землѣ Русской“.

Эти два интересныхъ письма приводимъ также сполна.

Стр. 81—82.

Ваше Высокопреподобіе!

Драгоценное письмо ваше при драгоценныхъ трехъ книгахъ²³⁾, коими ваше высокопреподобіе удостоить меня соизволили, я получилъ,

²²⁾ Слово о гласѣ вопіющаго въ пустыни, говоренное въ церкви св. Живоначальной Троицы, что въ домѣ князя А. Н. Голицына, было напечатано также отдѣльно въ той же типографіи, въ 1814 году. Ib. № 576.

²³⁾ Вѣроятно Ермоловъ называетъ анигами слова, присланныя ему архим. Филаретомъ. Слова архимандрита Филарета, произведшія на Ермолова сильное впечатлѣніе и доставившія ему такое высокое удовольствіе, приводить къ мысли: хорошо и очень бы кстати, если издатели сборниковъ проповѣдей и другихъ подобнаго рода произведеній, отмѣчали бы, хотя въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, о томъ значеніи, какое имѣло на читателей извѣстное выдающееся произведеніе.

вмѣняя себѣ за особую честь, приношу вамъ душевную мою благодарность.

Хотя ваше высокопреподобіе уклоняется принять то высокое чувство благодарности, которую я имѣлъ удовольствіе изъявить вамъ предъ симъ моимъ письмомъ, но простите мнѣ моей смѣлости, что я паки почитаю себя обязаннѣйшимъ вамъ. Прочитавъ доставленные два слова, признаюсь вашему высокопреподобію, что повторяя нѣсколько разъ „о гласѣ вопіющаго въ пустыни“, не могу воздержаться отъ восхищенія моихъ чувствъ, отъ той признательности, которую я чувствую къ неподрожавшему краснорѣчію вашему, къ тѣмъ чистымъ истинамъ, которыя вы являете ушамъ слушателей, и которыя видя столь ясно путь, ведущій ихъ къ блаженству, могутъ еще запутываться во мракѣ невѣрія и слабости и быть достойнымъ названія животныхъ человѣковъ, какое разительное и справедливое сравненіе.

Тогда, когда еще по молодости лѣтъ страсти дѣйствовали во мнѣ сильнѣе, развращенныя сочиненія, украшенныя соблазнительною пріятностію, колебали слабый умъ мой, то и тогда нѣкогда духовная сила, милующая и предохранившая меня отъ золь жестокыхъ, влекла читать духовныя книги. Онѣ, наконецъ, раскрыли мнѣ заблужденія жестокыхъ развратителей, открыли свѣтъ чистѣйшей вѣры, и я во всѣхъ горестяхъ моихъ находилъ сладкое утѣшеніе ожидать по мѣрѣ дѣлъ моихъ милосердія всевышняго Бога. Но со всѣмъ моимъ стараніемъ проникать тайны священнаго писанія были слабы, и признаюсь вамъ, яко благодѣтельному пастырю, что доставленные вами мнѣ произведенія ума и сердца вашего, какъ нѣкій новый свѣтъ озарили мракъ моихъ невѣднѣй.

Есть ли чистосердечіе, признательность достойны уваженія истиннаго христіанина, то не отриньте великодушно принять оныя, не вознегодуйте на покорнѣйшую мою просьбу, которою убѣждая васъ, прошу не оставить меня вашимъ благодѣаніемъ, доставляя мнѣ тѣ поученія, которыми вы укрѣпляете въ вѣрѣ слушателей вашихъ.

Служители Слова суть токмо звуки или глаголы моими, да соединяютъ они меня болѣе и болѣе съ живнію духовною, раскроютъ мнѣ истинное назначеніе человѣка и христіанина и приближатъ меня сколько я достоинъ буду щедротъ всеильнаго и милосердаго Бога.

Позвольте испросить у васъ позволенія писать къ вамъ, вто доставитъ мнѣ совершенное удовольствіе. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, съ неограниченнымъ почитаніемъ и уваженіемъ имѣю честь быть.

Съ полною увѣренностію на благосклонное ваше ко мнѣ снисхожденіе, принялъ вольность представить вашему высокопреподобію написанную мною бумагу. Есть ли она не имѣетъ грамматическихъ правилъ, ни того краспорѣчія, которое всякое сочиненіе дѣлаетъ уважительнымъ, то по крайней мѣрѣ, я васъ увѣрить могу, что проистекла отъ истиннаго сердца, любящаго свое отечество.

Не лишнее будетъ когда я вамъ сообщу, что я не писатель, но происшествія 1812 года открывшія намъ, что развращеніе правовъ, пагубное вольнодумство, почти всеобщее себялюбіе столь много преогорчили всемогущаго Бога, что Онъ по высочайшей мудрости и справедливости, для исправленія отпадшихъ отъ Его закона, послалъ ужасную годину на царство русское и привелъ его къ конечному разрушенію, высочайшею благостію помилая его, вознесъ нынѣ на верхъ славы. Сія происшествія, какъ глаголы Божіи, должны отзываться въ сердцахъ каждого россиянина, а потому и я рѣшился, какъ сынъ милаго мнѣ отечества, кое что писать. Прочитывая же слова великой Екатерины—*кто хочетъ писать, то думать по русски*, рѣшился я, какъ русскій, мысли мои переложить на бумагу, которая нынѣ и повергаю просвѣщеннѣйшему вашему разуму. Препоручая себя молитвамъ вашимъ, съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть.

Познакомившись съ умственнымъ уровнемъ, нравственнымъ укладомъ, взглядами на событія и отношеніями къ окружающимъ Г. П. Ермолова, перейдемъ къ его памфлету на графа М. М. Сперанскаго.

Памфлетъ помѣщенъ въ первомъ переплетѣ рукописи, на листахъ 21—23, на ряду съ другими статьями Ермолова. Въ оглавленіи рукописи памфлетъ названъ „Бумагою на щетъ Сперанскаго“, въ самомъ же текстѣ рукописи надписывается; „Нѣчто о Сперанскомъ“. Фамилія Сперанскаго въ памфлетѣ пишется только начальною буквою С, а затѣмъ ставятся точки.

Написаніе памфлета, какъ показывается годовая дата, относится къ 16 марта 1813 года, слѣдовательно почти годъ спустя послѣ ссылки Сперанскаго. Такое позднее появленіе памфлета, сравнительно съ другими подобнаго рода произведеніями на графа Сперанскаго, разошедшимися во множествѣ списковъ по Петербургу и Москвѣ до его паденія, показываетъ, что графъ Сперанскій не переставалъ занимать умы своихъ современниковъ и впечатлѣніе отъ внезапной ссылки Сперанскаго далеко еще не изгладилось.

Ермоловъ, какъ видимъ изъ его писемъ и статей, былъ заклятымъ врагомъ и ненавистникомъ французовъ, причинившихъ, по его мнѣнiю, бѣдствiя не только Россiи, но и всему мiру, ненавидѣлъ все французское, начиная съ французскаго языка, о которомъ онъ говоритъ: „если бы я зналъ французскiй языкъ сознакомился бы съ разбойниками французами, и кто вѣдаетъ, чтобъ я не былъ то, что всякiй русскiй нынѣ проклинаетъ въ душѣ своей; я теперь русскiй, сынъ моего отечества, вѣрноподанный Государю моему, добрый христiанинъ, съ какимъ языкомъ можетъ сравняться эта честь и удовольствiе“ (стр. 76) или: „сей сладко ядовитый языкъ, разлившiйся къ несчастiю и бѣдамъ отечества нашего между нами, токмо сознакомилъ насъ съ развращенiемъ сихъ варваровъ, напеснихъ всѣхъ бѣдствiя роду человѣческому (л. 27).

Г. П. Ермолова можно считать выразителемъ, если не общаго, то по крайней мѣрѣ господствовавшаго въ Россiи мнѣнiя, что Сперанскiй былъ низвергнуть и удаленъ за измѣну.

Памфлетъ на графа М. М. Сперанскаго.

Сперанскій! Скажи, чего желаешь ты? Богатства?—было въ твоёмъ распоряженіи. Чины? награжденъ ими. Отличія? — ты знаками опыхъ пользовался. Уваженія? ты его имѣлъ. Властолюбія? удовлетворялъ его. Чего еще недоставало пенасытной, гордой душѣ твоей? Сперанскій! Скажи, въ свободныя часы отъ дѣлъ государственныхъ, сиди ты въ кабинетѣ своемъ, принадлежа токмо самому себѣ, не входилъ въ себя самъ? Неужели въ эти минуты ни сердце, ни совѣсть твоя не говорили, чѣмъ ты обязанъ своему Государю и благодѣтелю, не по заслугамъ, а по милости возведшему тебя на степень великости. Неужели признаніе, благодарность къ довѣренности великодушнаго монарха, не сказали тебѣ нимаго въ его пользу и славу? Объ отечествѣ твоёмъ я не говорю ни слова, ибо воспитаніе твое не могло образовать душу твою и дать ей благодарное благочестивое направленіе, узнать, что такое есть отчизна и любить ее. Неужели никогда не вопрошалъ ты себя, кто былъ твой отецъ? и что ты былъ самъ? Неужели столь неизмѣримое пространство и различіе, которыя находились между первобытнымъ и послѣдующимъ затѣмъ состояніемъ твоимъ не удовлетворили твоего тщеславія, корыстолюбія и славолюбія? Сперанскій! Скажи, что хотѣлъ ты дѣлать? и чѣмъ быть? Если ты думалъ подражать злодѣямъ, убійцамъ благодѣтельныхъ государей своихъ, могъ ли ты это исполнить у насъ? Тогда, когда монархъ нашъ, охраняемый подданными своими, яко отецъ дѣтми, всегда окруженъ ими. Если ты думалъ произвести возмущенія въ землѣ русской, перемѣнить образъ правленія, могъ ли ты надѣяться это исполнить, безумный! въ такомъ народѣ, который за славу и честь свою составляетъ умирать за своихъ царей, который приверженъ всегда былъ и есть къ вѣрѣ и закону Божию. Если ты хотѣлъ продать за деньги и за общающую тебѣ великость измѣнническимъ образомъ нашу землю въ руки безбожнаго и кровожаждущаго иноплеменника, дерзновенный! могъ ли ты надѣяться этого достигнуть со всѣми подобными

тебѣ товарищами? Неужели ты такъ простъ, что не знаешь народнаго здѣсь духа, честолюбія дворянъ и всѣхъ сословіи русскихъ, общей ихъ твердости, неустрашимости, единодушія и привязанности, воспламеняемыхъ усердіемъ къ престолу царей своихъ. Развѣ тебѣ исторія народа русскаго не указала тѣхъ временъ и тѣхъ происшествій, намѣренію твоему подобныхъ, что дѣлали въ такихъ случаяхъ русскіе и чѣмъ такія оканчивались предпріятія? Но, положимъ, если бы и достигнулъ сего злодѣйскаго намѣренія, что тѣмъ выигралъ? Развѣ мало тебѣ примѣровъ было видѣть, какъ поступилъ этотъ извергъ съ подобными тебѣ измѣнниками, чѣмъ онъ наградилъ за тѣ жертвы, которыя они ему приносили? Развѣ тебѣ не говорилъ умъ твой, что поступки измѣнника бесполезны, а самъ измѣнникъ въ глазахъ обольстителя презрительнъ, могъ ли ты чего надѣяться получить отъ него великаго и прочнаго; могъ ли ты быть увѣреннымъ, чтобы онъ довѣрялъ тебѣ когда-либо, видя уже разъ прельщеннаго корыстолюбиваго, тщеславіемъ, къ измѣнѣ своему народному Государю и отечеству. Развѣ поступки сего жестокаго и властолюбиваго тирана съ землями, которыя ему преклонились безъ обороны, повѣря его слову сограждане, которые возвели его на степень столь блистательную, даже самые его родные, его друзья, споспѣшествовавшіе укорениться ему въ владычествѣ своемъ, не показало тебѣ, что отъ него претерпѣли земли разореніе, опустошенія, всякаго рода злодѣянія; граждане, друзья и братья отлученіе отъ должностей, лишеніе имѣній, или въ заточеніе въ ссылку и, наконецъ, неизбѣжно и самую смерть. Ты чего думалъ ожидать отъ него лучшаго? Сперанскій! Ты вѣрно учился греческому и латинскому языкамъ, ты вѣрно долженъ былъ читать исторіи тѣхъ народовъ, развѣ не запримѣтилъ ты, что такіе перевороты въ могущественныхъ республикахъ и монархіяхъ предпринимали алчущіе тщеславіемъ и самолюбіемъ, такіе люди, которые или порокою, или достоинствомъ, или заслугами приобрѣли довѣренность, содѣлались въ отечествахъ своихъ знаменитыми, почитаемыми и любимыми. Но ты, Сперанскій, развѣ не знаешь, что у насъ ты значилъ? Отечество въ тебѣ видѣло попова сына, отданнаго въ семинарію учиться и быть хорошимъ священникомъ; счастье послужило тебѣ, ты сдѣлался извѣстнымъ по способности писать манифесты и тому подобныя государственныя бумаги, счастье твое повело тебя далѣе, чѣмъ же ты тогда себя показалъ намъ? — лицемѣрнымъ, ядовитымъ, честолюбивымъ и во зло довѣренность Государя своего обращающимъ, поданнымъ; никто тебя не любилъ, потому что, не за что, никто тебя

не почиталь, потому что не кого, никто тебѣ не довѣрять, потому что печему.

Сперанскій! Приверженцы твои прославили умъ твой. Но гдѣ они? Если бы ты его имѣлъ, онъ бы показалъ тебѣ славную, благородную и возвышающую тебя стезю, по которой шедши, ты безъ нарушенія совѣсти содѣлался бы знаменитымъ не породю, но дѣлами твоими въ отечествѣ, ты былъ ты любимъ Государемъ, любимъ, и почитаемъ дворянами, любимъ и уважаемъ народомъ; дѣла бы твои и служеніе вездѣ бы говорили о себѣ, и ты могъ бы содѣлаться полезнымъ гражданиномъ земли русской и прославить родъ свой.— Исторіи Пожарскаго, Минина и тому подобныхъ преданныхъ сыновъ родицъ своей, развѣ не лежали предъ глазами твоими, развѣ не могли воспламенить въ тебѣ благороднѣйшаго честолюбія, соревнованія къ славѣ ихъ безсмертной, развѣ эти великія и потомство изумляющія дѣла, казались для тебя недостойными и маловажными, гдѣ сердце и разумъ твой? Сперанскій! вмѣсто той славы, которую бы ты могъ имѣть, вмѣсто того блаженства, которымъ бы ты могъ наслаждаться, посмотри, что ты теперь въ глазахъ нашихъ? Корыстолюбивый измѣнникъ, жестокой предатель, врагъ отечества, злодѣй своему Государю и благодѣтелю, проклинаемый преступникъ, въ отдаленныя страны суровой Сибири сосланный, жестокой отецъ разлученный съ дочерью, или съ собой заставившій ее раздѣлять бѣдственную часть судьбы своей, оставившій горестное ей наслѣдство, позоръ и презрѣніе отца преступяемые до гроба, сынъ—убійца матери своей, которая, по старости лѣтъ, можетъ не перенесла сію горькую съ тобой разлуку. Презрѣнный повсюду и всѣми сословіями, готовыми растерзать тебя на части, истребить съ лица земли своей прахъ твой, вотъ тебѣ награда за твои беззаконія, злодѣянія, которыя уготовлялъ ты Россіи, а божеское наказаніе еще впереди ожидаетъ тебя, яко изверга, посягнувшаго на вся Ему угодное и Его святое.

11 апрѣля 1895 г.